

ников, прекращавших работу, равно как под давлением создаваемого ими общественного мнения — вынужденными выплатить ремесленникам положенное довольствие, власти буквально спустя несколько дней задерживали очередной платеж, вынуждая тем самым ремесленников к повторным выступлениям.

Забастовки ремесленников фиванского некрополя — не только яркий пример тех противоречий, которые существовали в древнеегипетском обществе между различными слоями свободного населения страны, — они являются столь же ярким примером тех экономических неурядиц, которые раздирали египетское общество во времена XX дин. и привели страну к распаду.

Проф. И. М. Лурье

НИЖНЕДУНАЙСКИЕ ПЛЕМЕНА В ПЕРВЫЕ ДВА ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

Отдельные племена и народности, населявшие Римскую империю, «...имели свою экономическую базу и имели свои издавна сложившиеся языки»¹. Поэтому изучение их истории во всем ее своеобразии имеет первостепенное значение. В этом отношении большой интерес представляет история нижнедунайских племен. Фракийские племена сумели на протяжении ряда веков противостоять нивелирующему влиянию римской культуры, сумели сохранить свою самобытность и, подчинившись формально верховной власти Рима, «жили своей жизнью»². История нижнедунайских племен дает возможность на конкретном материале одной из наиболее отдаленных римских провинций проследить те пути, по которым шло объединение отдельных племен для совместного выступления против Рима, сыгравшее большую роль в падении этого рабовладельческого государства.

К моменту решительного столкновения с римлянами (20-е гг. I в. до н. э.) основное население нижнедунайских земель состояло из множества фракийских племен, территориально и экономически мало связанных друг с другом и иногда враждующих между собой. Крупное объединение фракийцев, созданное во время Цезаря на территории Дакии и Мёзии Биребистой, распалось на несколько частей сразу же после смерти царя (Plut., Ant., 63; Suet., Oct., 63), и процесс дробления его царства продолжался еще тогда, когда Марк Красс, полководец Августа, застал на правом берегу Дуная трех вождей враждующих между собой племен — Рола, Далига и Цюрака. Очевидно, экономика и социальные отношения у племен, объединенных Биребистой, в середине I в. до н. э. еще не созрели для прочного государственного объединения. Страбон, писавший VII главу своей «Географии» непосредственно после наступления римлян на Мёзию, говорит о том, что Фракия разделяется на племена (τὰ ἔθνη — Strabo, VII, фр. 47), а Плиний сообщает о существовании там же 50 стратегий (NH, IV, 40).

Наиболее крупным фракийским племенем были мёзы, жившие на западе будущей римской провинции Нижней Мёзии. В I в. до и в начале I в. н. э. римляне называли мёзами отдельное фракийское племя, которое, наряду с множеством других, обитало между нижним течением Дуная и Балканскими горами. Другим крупным фракийским племенем были геты (это была, вернее, группа племен), которые занимали восточную часть Мёзии от реки Осым (Asamus) до побережья Черного моря. У античных историков со II в. до н. э. северо-западная часть гетов, жившая за Дунаем, начинает называться

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат 1950, стр. 13.

² Там же, стр. 10.

даками. Очевидно, однако, что на рубеже I в. до н. э.—I в. н. э. точного разграничения между гетами и даками провести еще нельзя. Так, Страбон (VII, 3,8) говорит о гетах по ту сторону Дуная, а Дион Кассий, описывая завоевание римлянами Мёзии, сообщает, что даки живут по обе стороны Дуная (LI, 22, 7). Античные историки упоминают множество других, более мелких фракийских племен: требаллов, живших около древнего Эска (современный Гиген), тимахов, живших по реке Тимок, племена эдов, скаугдов и клариев, не указывая, в какой именно части Мёзии они жили, и другие племена.

Помимо фракийских племен, в Мёзии жили и другие племена. Скифы в качестве постоянных жителей появились в Мёзии в первой половине IV в. до н. э., когда большой отряд их вместе с женами и детьми перешел Дунай и вторгся на территорию современной Добруджи. Очевидно, в связи с этим за Добруджей в древности укрепилось название *Scythia Minor*. В румынской литературе существовало мнение, что пребывание скифов в Добрудже носило кратковременный и случайный характер, что скифы ушли отсюда так же внезапно, как появились¹. Однако это мнение не имеет под собой почвы и опровергается как свидетельствами древних авторов, так и нумизматическими данными. Серия монет царей Канита, Хараспа и Акросы, найденных в Балчике в г. Толбухин (быв. г. Добриче) Варненского округа и в Добрудже, свидетельствует о пребывании скифов в Добрудже в течение нескольких столетий. По мнению А. В. Орешникова, исследовавшего эти монеты, они должны быть отнесены к периоду с III по I в. до н. э.² Судя по типам этих монет, сходных с монетами Том и Одесса, чеканка всех их должна быть отнесена к той же местности, где они были найдены. Орешников соглашается с мнением Реглинга, исследовавшего имена царей Канита, Хараспа и Акросы и считавшего, что все три имени принадлежали царям скифского происхождения. Дион Кассий, описывая столкновение гетского царя Цюрака с римлянами в конце I в. до н. э., тоже упоминает скифов (LI, 26,5). Мало вероятно, однако, чтобы на рубеже I в. до н. э.—I в. н. э. в Малой Скифии сохранились скифы в конкретном этническом значении этого понятия. Вернее всего предполагать, что к этому времени на Дунае скифские племена во многом смешались уже с гетскими и сарматскими. Овидий, который, как очевидно, лучше других авторов был осведомлен о событиях, происходивших на Нижнем Дунае, употребляет термин «*Scythae*» и «*Sauromathae*» как идентичные. Страбон же утверждает, что «в настоящее время эти племена (т. е. скифы и сарматы.— Т. З.) и племена бастарнов смешались как с теми фракийцами, которые живут по ту сторону Истра, так отчасти и с теми, которые по сю сторону реки» (VII, 3,2).

Мы обладаем, следовательно, почти непрерывным рядом свидетельств о пребывании скифов на северо-востоке Мёзии с IV по I век.

Иллирийское племя дарданов жило на юго-западе Мёзии и сохраняло свою этническую обособленность еще долго после римского завоевания. Следует отметить также, что в Мёзии неоднократно появлялись на более или менее длительный период кельты, бастарны и другие племена. Таким образом, для Мёзии I в. до н. э. чрезвычайно характерна пестрота этнического состава ее населения.

Римское завоевание всколыхнуло весь фракийский мир. В течение трех лет (29—27 гг. до н. э.) римские легионы вели упорную борьбу с племенами Нижнего Дуная, стремясь покорить их. Оба историка, описывающие ход этой борьбы,— Дион Кассий и Флор — единодушны в характеристике фракийцев, этих «наиболее смелых, диких, варваров из варваров». Борьба с римлянами изобиловала множеством героических эпизодов, о которых дает яркое представление рассказ Диона Кассия (LI, 23—26). Нам хотелось бы подчеркнуть здесь то обстоятельство, что, возможно, уже в этот начальный период римского владычества на Дунае начали складываться определенные формы совместного выступления разрозненных северофракийских племен. Как

¹ R. Vulpe, *Histoire ancienne de la Dobroudja*, Bucarest, 1938, стр. 191.

² «Экспурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья», «Нум. сб.», III (1915), стр. 1—16.

нам кажется, некоторые основания для подобных предположений дает исследование так называемых «Траяновых валов» в Добрудже. Еще до настоящего времени сохранились следы трех валов, пересекающих Добруджу с запада на восток и соединяющих ту точку реки Дуная, которая ближе всего лежит к Черному морю (Черноводы) и от которой река резко поворачивает на север, с берегом Черного моря у Том (Констанца). Валы следуют не параллельно друг другу, а иногда пересекаются. Уже это обстоятельство заставляет думать, что валы строились не по одному плану и не в одно время. Действительно, техника постройки валов, так же как и находимые при них монеты и керамика свидетельствуют о разновременном возникновении их. В то время как один вал построен из земли и имеет сравнительно с другим небольшую высоту и ширину (почему он и получил название «малого земляного вала»), два другие — значительно более мощные. Один из них, так называемый «большой земляной вал», состоит тоже из земли, но выше и шире первого вала. Третий вал облицован каменными, хорошо обточенными блоками, внутри его имеется каменная прокладка. Большой земляной вал и каменный вал все исследователи датируют римским временем¹. Особый интерес представляет малый земляной вал. Он резко отличается от двух других валов тем, что ориентирован на юг (т. е. имеет покатую северную сторону и крутую оборонительную на юге; с юга же расположен ров), следовательно, вал построен для борьбы против врага, наступающего с юга (АЕМ, IX, стр. 94). Этот вал не мог быть построен римлянами, так как они строили валы, направленные против племен, нападавших с севера, тогда как на юге находились их собственные войска. Кроме того, сам вал производит впечатление доримского, местного сооружения². Можно предположить, что малый земляной вал был построен местными племенами как мера защиты против наступающих римлян. Строительством столь грандиозного сооружения в таком случае является свидетельством объединенных усилий нескольких племен для борьбы против римских завоевателей. Однако окончательная датировка малого земляного вала может быть произведена только после более широких раскопок этого сооружения.

В 27 г. н. э. полководец Августа Марк Лициний Красс праздновал свой триумф в честь победы над фракийцами. Однако постоянные набеги из-за Дуная, яростное сопротивление, оказанное фракийцами во время похода Красса, и враждебность к римлянам, проявляемая после ухода римских войск, заставили римлян медлить с организацией в Мёзии провинциального управления. Восточная половина Мёзии от берега Черного моря до *Dimum*, станции прибрежной дунайской дороги между *Asamus* и *Novae*, вошла в состав созданного римлянами зависимого Фракийского царства, во главе которого был поставлен царь племени одрисов — Рометалк. В западной части Мёзии, очевидно, управление было поделено между местными царьками, также зависевшими от Рима.

6-м годом н. э. кончается завоевательный период внешней политики Августа: покоренные народы восстали против Рима, который должен был перейти к обороне. Вынужденные подчиниться римскому оружию, племена Мёзии поддерживали борьбу соседних народов, еще имевших силы для того, чтобы оказывать сопротивление римским войскам.

Одним из наиболее крупных освободительных движений против Рима на Дунае в начале I в. н. э. было паннонско-далматинское восстание 6—9 гг. В западноевропейской литературе установилось мнение, что фракийские племена не принимали никакого участия в нем. Следует разобрать, однако, источники, могущие пролить свет на этот очень важный для нас вопрос. Основными источниками наших сведений о Паннонско-далматинском восстании следует считать Веллея Патеркула (II, 110—112)

¹ Последняя, насколько нам известно, работа, посвященная валам в Добрудже, написана болгарским историком Д. К р а н д ж а л о в ы м, Веловете в Добруджа и Бессарабия и фальшива прабългарската теория, София, 1948. Автор датирует большой земляной вал временем Домициана, каменный вал — IV в. н. э.

² Такого мнения придерживается большинство исследователей. См. указанную работу К р а н д ж а л о в а и ст. Ш у х а р д т а в АРАW, XXII (1918).

и Диона Кассия (LV, 29, 30 и 32). Оба автора сообщают, что фракийские войска под руководством Рометалка и римские легионы под руководством Цецины Севера принимали участие в борьбе с восставшими. Веллей Патеркул описывает один эпизод этой борьбы; Дион Кассий дважды возвращается к описанию этих событий. В книге LV, 29, 3 он рассказывает, что паннонское племя бреуков под руководством Батона направилось в Сирмий, чтобы захватить находящийся там римский гарнизон, но не смогло взять город, так как Цецина Север, быстро приблизившись, в сражении у Дравы победил восставших. Несколько далее Дион Кассий (LV, 30, 3) рассказывает, что далматинец Батон после неудачного для него сражения с Валерием Мессалином отправился к Батону — руководителю племени бреуков, соединился с ним и вел совместную борьбу против Рометалка и Цецины Севера, оказывая им сильное сопротивление. После этого Цецина должен был уйти в Мёзию, на которую напали даки и савроматы. Некоторые исследователи усмотрели в этих двух эпизодах один и тот же рассказ. Однако различие очевидно: в первом эпизоде бреуки выступают самостоятельно, во втором — совместно с далматинцами; там они борются против одного Цецины Севера, здесь — против Севера и Рометалка; в первом эпизоде Цецина — победитель, во втором — нет. Перед нами два различных эпизода борьбы. Сопоставляя их, неизбежно приходишь к выводу, что римский полководец Цецина Север выступил против восставших паннонцев и далматинцев, но вскоре, несмотря на то, что он оказался победителем, вынужден был уйти с театра военных действий. Куда ушел Цецина? Исходя из того, что во втором эпизоде он появляется с востока вместе с Рометалком, можно считать, что Цецина побывал на территории Фракийского царства. Поводом к его срочному уходу на этот раз не было вторжение даков и сарматов, как это случилось во втором эпизоде. Очевидно, Север должен был уйти во Фракию в связи с какими-то волнениями и смутами внутри страны, а не на дунайской границе. В этом отношении весьма знаменательна надгробная надпись Луция Плиния, солдата XX легиона, найденная в Мёзии (CIL, III, 7452). Этот легион сражался в 6 г. н. э. в Иллирике (Vell. Pat., II, 112, 2), а в 9 г. уже отправился в Германию (RE, Legio, 1770/71). Таким образом, *terminus post quem* этой надписи является 6 год н. э., а *terminus ante quem* — 9 год н. э. Итак, XX легион (или часть его) между 6 и 9 гг. находился в Мёзии. Чрезвычайно важно место находки надписи — село Реселец, расположенное в северной Болгарии, около города Врача. Очевидно, легион не стоял на дунайской границе и не ставил своей целью борьбу с задунайскими племенами. С другой стороны, пребывание в «усмирённой» Мёзии легиона, ни до, ни после не появлявшегося там, в период паннонско-далматинского восстания, этого *gravissimum omnium externorum bellorum post Punica* (Suet., Tib., 16), когда восставшие угрожали самой Италии (Dio Cass., LX, 30, 1), указывает на серьезные волнения внутри страны и на то, что борьба за свою независимость народов Паннонии и Далмации нашла живой отклик и поддержку среди фракийских племен.

Более точные сведения о совместных выступлениях фракийских племен относятся к двадцатым годам н. э. Когда в 21 г. во Фракии, в Одрисском царстве, вспыхнуло восстание против римлян, часть восставших немедленно отправилась в Мёзию, чтобы, перейдя Балканские горы, поднять на восстание племена, жившие к северу от них¹.

К этому времени римляне уже более решительно, чем в начальный период, начали облагать мёзов всевозможными податями. Стелы, содержащие переписку жителей города Истрии с правителями Мёзии, найденные румынским археологом Пырваном², важны не только для характеристики состояния западнопонтийских городов I в. н. э., но и для выявления фискальной политики Рима по отношению к основной части страны. Письмо одного из правителей Мёзии — Флавия Сабина сообщает о τὸ τῆς κατὰ τὸν Ἰστρὸν ὁδοῦς τέλος μέχρι θαλάσσης, т. е., очевидно, о *portorium* *grae Danuvii*, простиравшемся вдоль по течению реки [вплоть до моря. На всем протяжении Дуная имела место сеть береговых постов, где в пользу Рима

¹ Tac., Ann., III, 38, 18: *pars turbant praesentia, alii montem Haemum transgrediuntur, ut remotos populos concirent.*

² «Analele Academiei Române», XXXVIII (1915—1916), № 15—16.

взимался налог за ловлю рыбы. Поборами было обложено и пользование лесом. Весьма вероятно, что, подобно тому, как это было в других провинциях, римляне становились здесь хозяевами фракийских земель. Надпись правителя Мёзии — Платвия Сильвана определенно говорит о взимании земельного налога — *tributum* (CIL, XIV, 3608). Завоеватели устанавливали границы владений общин (*termini territoriales*), как следует из одной надписи, в которой границу между землями двух германских племен устанавливает легат Верхнегерманской армии (CIL, X, 7930); другая надпись из Мавретании сообщает об *assignatio* земли племени нумидийцев имперским прокуратором провинции (CIL, VIII, 8813).

Уже в середине двадцатых годов I в. н. э. римляне попытались ввести рекрутский набор фракийцев во вспомогательные войска, заменивший службу в племенных подразделениях под руководством вождей племен. Именно это обстоятельство, как сообщает Тацит (Ann., IV, 46), послужило поводом к восстанию фракийцев в 25 г.: «... они не хотели допускать набора и давать наиболее здоровых рекрутов в нашу армию». Вне сомнения, первоначально названия когорт соответствовали их составу и фракийские племена служили в многочисленных *cohortes Thracum*¹. Как на то указывают названия когорт, они формировались не из членов одного какого-либо племени, а из членов различных фракийских племен. Такая система формирования вспомогательных войск диктовалась, очевидно, тем, что римляне боялись совместных выступлений соплеменников против Рима. Независимо от того, каковы были субъективные причины, толкавшие римлян создавать общефракийские воинские подразделения, объективно создание *cohortes Thracum* способствовало усилению связей между различными мелкими фракийскими племенами и уничтожению той племенной раздробленности, которая существовала к моменту римского завоевания.

Не менее существенно в этой же связи указать на административную политику, которую проводили римляне на Нижнем Дунае в I в. н. э. Создав в конце правления Августа (не позже 15 г. н. э.) провинцию Мёзию, римляне не ввели сразу же обычного провинциального управления, а сохранили исконную племенную организацию мёзийского населения. Однако над племенными вождями были поставлены в качестве римских администраторов военные командиры из числа офицеров близлежащего легиона, объединявшие своей властью несколько фракийских племен. Так, надпись Бебия Аттика сообщает, что он был *primipilus legionis V Macedonicae, praefectus civitatum Moesiae et Treballiae* (CIL, V, 1838)². Подобную систему управления варварскими территориями римляне устанавливали не только в Мёзии, но и в других дунайских провинциях³.

Объединение римлянами различных племен в одну префектуру (префектура Бебия Аттика охватывает два племени — мёзов и требаллов) способствовало исчезновению раздробленности фракийских племен и ускоряло процесс их объединения. Таким образом, процесс консолидации фракийских сил, начавшийся с момента римского завоевания и вызванного им противодействия, стимулировался вопреки воле римлян их политикой — как фискальной, так административной и военной.

В борьбе, которая развернулась на Дунае между даками и римлянами во времена Домициана и Траяна, особенно ярко сказалась сила совместного выступления фракийских племен против Рима. Часть этих племен уже более столетия находилась под властью Рима, а другая часть жила в еще незавоеванной римлянами Дакии.

Нам представляется, что удачно проведенная Децебалом кампания объясняется не только мужеством и храбростью даков, но также и выступлениями фракийцев пра-

¹ I Augusta Thracum — CIL, III, D. XLVI; I Thracum equitata — CIL, III, D. XLII и XLIII; I Thracum sagittariorum — CIL, III, D. XL и множество других.

² Надпись относится ко времени Клавдия, но так как Бебий Атик жил 60 лет, естественно его префектуру датировать временем Тиберия.

³ Например: в Паннонии — CIL, IX, 5363: *praef[ecto] ripae Danuvii et civitatum duar[um] Boior[um] et Azalior[um]*; в Далмации — CIL, IX, 2564: *pr[ae]f[ecto] civitatis Maez[eiorum]*. Можно привести примеры и из других провинций: в Африке — CIL, VIII, 5351 или CIL, VIII, 8826.

побережья Дуная в тылу у римских войск. Дион Кассий сообщает о перебежчиках (*ἰστομεῖλοι*) от римлян к Децебалу (LXVIII, 9 и 11); хотя историк и не указывает племена, к которому принадлежали перебежчики, однако скорее всего они могли быть из тех провинций, которые граничили с Дакией, и в первую очередь из Мёзии. Столь же ненадежным, если не прямо враждебным, было поведение солдат фракийских когорт; обращает на себя внимание полное отсутствие фракийских воинских подразделений на Нижнем Дунае в острый период, охватывающий время войн с даками, тогда как со времени правления Флавиев местные когорты являются обязательной составной частью вспомогательных войск на Дунае. Действительно, диплом из Ольтина (округ Силистрия), выданный в 99 г. (АЕМ, XI, Tošilescu, № 15), дает один из самых подробных списков ал и когорт, находившихся в то время в Нижней Мёзии; однако из 13 когорт и 6 ал, перечисленных в нем, нет ни одной, носящей наименование «фракийская». Совершенно ту же самую картину дает нам другой диплом того же года, несколько дополняющий наши сведения о составе вспомогательного войска в Мёзии и не упоминающий ни одной фракийской когорты (CIL, III, D. XX). Диплом, выданный 13 мая 86 г. императором Домицианом некому Seuthe, указывает на присутствие фракийской когорты и алы в Иудее (CIL, III, D. XIV). Другой диплом, 103 г., тоже сообщает о присутствии фракийской когорты вне дунайских областей, в Британии (CIL, III, D. XXI).

Таким образом, очевидно, что фракийские когорты были выведены из Мёзии во времена войн Домициана и Траяна с даками. Причину этого скорее всего следует видеть в том, что солдаты фракийских вспомогательных войск высказывали солидарность с Децебалом и переходили в его армию, чем выпудили римлян в самый напряженный момент увести фракийские когорты и алы из Мёзии и сменить состав вспомогательных войск, введя в провинцию главным образом те когорты, которые вербовались далеко от Дуная (например, в Испании — *cohortes II Hispanorum et Aravicozum, II Asturum*; в Галлии — *II Gallorum* и др.; см. те же дипломы). Следует упомянуть также, что на одной из монет Домициана 86 г. Мёзия изображается в виде плачущей женщины, поверженной на землю около сложенного в кучу оружия¹. Тип монет сходен с типами тех из них, которые римляне выпускали в честь побед над Иудеей, Арменией или Дакией. Мало вероятно, чтобы монета была выпущена в память вторжения в Мёзию даков: римляне на монетах обычно изображали свои победы, а не поражения. Более верно будет считать, что изображение на монете относится к подавлению Домицианом народного движения в Мёзии.

Очевидно, некоторое время часть правобережья Дуная входила в состав государства Децебала. Возвращаясь к вопросу о валах Добруджи, следует указать, что так называемый большой земляной вал построен римлянами именно во времена Домициана². Следовательно, часть Добруджи к северу от линии Констанца — Чернавода входила в состав владений Децебала, что должно было укреплять в гетях правобережья свободлюбивые тенденции и объединять фракийцев, живших по правому и левому течению р. Дуная.

Траян, учтя опыт двух неудачных дакийских кампаний Домициана, перенес центр наступления на Дакию с востока на запад страны и назначил для наступления пункты, расположенные ближе к Италии и Паннонии: очевидно, здесь население было не столь привержено Децебалу. Успехи Траяна в первой дакийской войне доказывают правильность этой его тактики. Децебал и в начале войны и особенно потом, после неудач 101 г., употреблял все усилия, чтобы перенести военные действия в более удобную для него местность — на восток. Рельефы Траяновой колонны, рисующие события первой войны Траяна с даками, показывают группу дакийских воинов, пересекающих реку. Очевидно, происходит вторжение даков на территорию Нижней Мёзии: берег реки, который переходят даки, низкий, и солдаты, с которыми они сражаются, одеты в форму не ле-

¹ I. E s k h e l, *Doctrina numorum veterum*, Vindobonae, 1754, стр. 6.

² Сводку литературы по вопросу о датировке валов Добруджи см. R. V u l p e, ук. соч. и Д. К р а й д ж а л о в, ук. соч.

гионеров, а ауксильяров, которые охраняли нижнее течение Дуная. Зная слабое звено в цепи римского наступления, Децебал именно сюда, в Нижнюю Мёзию, направил свой удар: ему удалось увлечь армию Траяна далеко от основных сил, в Малую Скифию, где произошла одна из самых жестоких битв: единственный раз на рельефах колонны Траяна фигурируют раненые римляне (возможно, это тот момент, когда, как сообщает Дион Кассий, LXVIII, 8, Траян разорвал свою одежду, чтобы перевязать раненых солдат). В этой же связи следует отметить, что отряд костобоков, вторгшийся в 170 г.¹ на территорию Н. Мёзии² с севера, не встретил никакого сопротивления в этой провинции и, очевидно, беспрепятственно прошел через весь Балканский полуостров. Таким образом, события II в. свидетельствуют о консолидации сил фракийских племен, как населявших Римскую империю, так и живших вне ее границ.

Во времена Антонинов, особенно при Траяне, римляне широко проводили строительство дорог на Нижнем Дунае. Отстраивая и расширяя старые дороги, римляне соединяли воедино те пути, которые возникли задолго до их появления. Дорога вдоль берега Дуная, которая отстраивалась уже во времена Тиберия (CIL, III, 1698), во времена Траяна была продолжена до моря и расширена (CIL, III, 1699). Важнейшей пересекающей ее дорогой была та, которая шла от Эска через Балканские горы и, следуя точно на юг, достигала Филиппополя. Это был путь, соединявший фракийские территории, разделенные Балканским хребтом. Особенно интенсивно шло строительство и расширение дорог в Малой Скифии. Ее пересекали три дороги, идущие с севера на юг: одна — вдоль Дуная, другая соединяла западнопонтские города Мёзии и шла далее на юг во Фракию, третья пересекала Малую Скифию (Odessos — Abrittus — Tropaeum Trajani — Aegyusos). Создание развитой сети дорог, соединявшей различные пункты Мёзии с Фракией, усиливало экономические связи фракийского мира.

Во II в. н. э. можно отметить уже некоторые результаты того процесса слияния мелких фракийских племен с более крупными, этнически и территориально более близкими, который мы пытались проследить. Так, Дион Кассий сообщает об исчезновении требаллов как самостоятельного племени и о слиянии их с мёзами (LI, 27, 2). Между тем, как известно, еще во времена Тиберия, существовали *civitates Moesiae et Treballiae* (CIL, V, 1838), и, следовательно, племя требаллов существовало самостоятельно. Очевидно, мёзы, как одно из самых крупных фракийских племен, к этому времени включили в себя и другие племена. Характерны в этом отношении надписи на пограничных камнях, поставленные римлянами во времена Антонина Пия на границе Мёзии и Фракии: *inter Moesos et Thracas*³. Если Страбон, писавший VII книгу своего труда в конце I в. до н. э. понимал под мёзами только отдельное племя, так сказать, мёзов в узком смысле (VII, 3, 13), то уже Плиний, писавший в середине I в. н. э., противопоставляет мёзам в узком смысле (NH, III, 149) мёзийские племена (NH, III, 143). У Диона Хрисостома, [который жил в Нижней Мёзии с 69 по 96 г., геты и мёзы — равнозначущие понятия (XII, 16). Точно так же у Диона Кассия название мёзы распространяется также и на гетов (LI, 22). Аппиан, писавший в начале и середине II в. н. э., называет среди населения юго-востока Европы по имени только мёзов и обозначает их как главный народ этой территории (X, 29).

Нам представляется, что эти изменения понятия «мёзы» в античной историографии на протяжении двух первых веков нашей эры нельзя считать случайными и что они соответствовали реальному положению дел на Нижнем Дунае. Не безынтересно отметить также, что со II в., точнее со времени Адриана, во фракийских надписях указывается происхождение не по мелкому племенному подразделению, а по принадлежности к фракийской народности: *natione Thrac*. Очевидно, уже с этого времени у фра-

¹ О. В. Кудрявцев, Вторжение костобоков в Балканские провинции Римской империи, ВДИ, 1950, № 3, стр. 56 сл.

² Одна надпись из Нижней Мёзии свидетельствует о некоем *Costobocis interfectus*, а другая об укреплении стен Филиппополя (ИБАИ, VII, стр. 112).

³ CIL, III, 743, 749, 1338, 12407, 14422; ИБАИ, II, стр. 271.

кийцев «союз родственных племён ставовится повсюду необходимостью, а вскоре становится необходимым даже и слияние их...»¹

Изменения, происшедшие на Дунае в I и II вв. н. э., коснулись самых различных сторон жизни фракийских племен. Те из этих изменений, о которых была речь выше, шли по двум направлениям. С одной стороны, на территории Римской империи из отдельных мелких фракийских племен возникает фракийская народность, с другой — происходит объединение сил фракийских племен с другими племенами, живущими на территории Римской империи и вне ее, для борьбы с Римом.

Говоря об истории северофракийских племен в первые два века нашей эры, нельзя не остановиться на вопросе о том, в какой мере их экономика и культура были затронуты римским влиянием. Нам представляется, что римское завоевание и заселение римлянами-колонистами Нижней Мёзии отнюдь не означало ни исчезновения фракийского населения с его самобытной культурой, ни коренного изменения того пути исторического развития, по которому шли фракийские племена до римского завоевания.

В буржуазной литературе по древней истории балканских стран укоренился совершенно необоснованный и неприемлемый взгляд на Мёзию как на территорию, полностью романизованную, а на фракийцев — как на племена, целиком вошедшие в сферу римского влияния и со времени римского завоевания переставшие существовать для истории. Одной из насущных задач советских историков является разоблачение тенденциозности и несостоятельности романоцентристской точки зрения западных буржуазных ученых на историю придунайских провинций Рима.

Необходимо прежде всего установить те хронологические рамки, когда римское влияние могло в полной мере сказываться на Нижнем Дунае. Ни в I в. до н. э., ни даже в I в. н. э. еще не могло быть и речи ни о широкой римской колонизации, ни о римском влиянии на экономику и культуру фракийцев. Хотя проникновение римлян в качестве торговцев в нижнедунайские земли началось еще до завоевания, в республиканскую эпоху, о чем свидетельствуют клады республиканских монет, обнаруженные в различных пунктах по реке Дунаю, однако эта торговля носила локальный характер и ограничивалась, как о том свидетельствуют места находок монет (Арчар, Лом, Орехопо)², лишь придунайскими поселениями фракийцев. Неудачными были военные экспедиции римлян во Фракию, совершенные в 75—74 и 72—71 гг. до н. э. и не приведшие к сколько-нибудь продолжительному подчинению фракийских племен римлянам. Весь I в. н. э., наполненный восстаниями фракийцев против римской власти, не мог быть использован римлянами для романизации местного населения. Положение в стране было настолько беспокойным, что римляне не могли проводить сколько-нибудь значительной колонизации страны (только во времена Флавиев была выведена колония ветеранов в Скупи) и даже легионные стоянки устраивали на западе Мёзии, в пунктах, лежавших ближе к давно присоединенным к Риму областям. Очевидно, это же напряженное положение в Мёзии заставило римлян отказаться от немедленного введения римской провинциальной администрации и принудило, как указывалось выше, сохранить древнюю племенную организацию страны. Очевидно, со времени Флавиев начинается регулярный призыв фракийцев во вспомогательные отряды римского войска, так как к этому времени относятся наиболее ранние военные дипломы, говорящие о солдатах вспомогательных войск из числа фракийцев. Нечего и говорить о том, что в это время формы быта у фракийцев не только внутренних, но и прибрежных областей страны оставались у первых — чисто фракийскими, у вторых — фрако-эллиническими³. Овидий, живший в Томах в начале I в. н. э., сообщает, что латинская речь была

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1948, стр. 185.

² ИБАИ, 1921/22, стр. 244; ИБАИ, 1928/29, стр. 382; АБАД, I (1910), стр. 224.

³ И. Иванов, Отчет за разкопките при Кадия-мост, ИБАИ, 1910, стр. 163—203; И. Велков, Новые могильные находки, ИБАИ, 1928/29, стр. 37—50; В. Миков, Тракийский тип фибулы, ИБАИ, 1930/31, стр. 171—181; Могильни некрополи от Ловчанско и Тетевенско, там же, стр. 153—170.

совершенно незнакома жителям этого сравнительно крупного города Западного Понта и его округи.

Только со II в. н. э. после кровопролитных войн, которые вела Домициан и Траян с даками, римляне могли приступить к интенсивному заселению Нижней Мёзии римскими колонистами. Главную массу их составляли ветераны легионов (обычно мёзийских) или вспомогательных войск, получившие почетную отставку. Надписи ветеранов легионов, когорт и ал встречаются главным образом в городах, расположенных на западе Нижней Мёзии близ легионных стоянок, реже — в греческих городах Западного Понта и вблизи них. Неоднократные посещения Мёзии императорами из дома Антонинов поспособствовали тому, что среди римских колонистов появились и преторианцы (CIL, III, 13743). Однако ветераны римских войск в качестве силы, непосредственно проводящей римское влияние на Нижнем Дунае, могли действовать лишь весьма ограниченный период времени, отнюдь не равный периоду римского владычества на Дунае. Постоянные стоянки легионов в Нижней Мёзии римляне основали только спустя 100 лет после завоевания этих территорий: около 86 г. н. э. был основан лагерь I Итальянского легиона в Новах и, очевидно, лишь со времени правления Адриана — лагерь V Македонского легиона в Трезмисе. Уже во времена Адриана набор в дунайские легионы проводился в значительной степени из числа местных жителей. Так, список солдат вексилаций XI Клавдиева легиона от 155 г. упоминает 72 имен, 33 из которых указывают на недавнее римское гражданство солдат и принадлежат местным жителям (CIL, III, 7449). Процесс варваризации дунайской армии еще усилился в конце II в.: список солдат VII Клавдиева легиона, отпущенных из армии в 195 г., называет 130 человек, происходящих из различных городов Мёзии, Дакии, Фракии и Далмации (Aér., 1901, № 13). Таким образом, чисто римские по своему этническому составу легионы стояли на Нижнем Дунае сравнительно небольшой срок — с конца I по конец II в. н. э., и, следовательно, непосредственное влияние римских военных колонистов на Нижнем Дунае следует ограничить главным образом II в. нашей эры.

Помимо ветеранов, мы находим в Нижней Мёзии певоенных римских граждан, колонизирующих страну главным образом в качестве земледельцев, торговцев и администраторов. Однако, вопреки утверждению некоторых из румынских историков о том, что гражданские колонисты по численности превосходили военных колонистов¹, следует считать бесспорным, что колонизация придунайских областей носила главным образом военный характер: считанные надписи невоенных римлян буквально тонут в огромном количестве надгробных, посвятельных и других надписей, поставленных ветеранами и солдатами римских войск на Дунае. Число невоенных колонистов было настолько незначительным, что они не могли оказать сколько-нибудь серьезного влияния на изменение культурного и экономического лица страны.

Было бы неправильным отрицать последствия римской колонизации для всей территории Нижнего Дуная. Они не замедлили сказаться. В стране с общинными формами землевладения, каковой была, на наш взгляд, Мёзия до римского завоевания², появляется частная собственность на землю, римские ветераны наделялись землей за счет ограбления фракийских общин. Надписи сообщают нам о ветеранах, получивших после отставки *villa*, *praedium* и живущих на своих землях (*obiti in praedio suo* или *obiti ad villam suam*). Земля, очевидно, передавалась по наследству³. Рабовладение, которое до римского завоевания находилось в Мёзии лишь в самом зачаточном состоянии и было развито лишь на крайнем востоке страны, начинает проникать и в глубь Мёзии. О рабах сообщают нам надписи, поставленные вольноотпущенниками своим бывшим хозяевам-ветеранам и рабами-служащими таможенных станций (*portorium*)⁴. Интенсивное заселение Нижнего Дуная римлянами сопровождалось строительством городов

¹ Párgvan, Dacia, Cambridge, 1928, стр. 175—176.

² См. «Уч. зап. МРПИ им. Потемкина», XIII (1949), вып. 2.

³ «Rev. belge de philologie et d'histoire», IV (1925), стр. 328; CIL, III, 1653, 6144, 7434, 12399 и др.

⁴ CIL, III, 6144, 7434, 1653, 12399 и др.

(Никополь на Истре, Марцианополь, *Troreum Trajani*) и дорог, способствовавших развитию торговли.

Частная собственность на землю появилась и у богатых фракийцев. Так, надпись II в. н. э. из Малой Скифии сообщает о межевых столбах, поставленных между землями фракийца Бесса Ампула и жителями села Бутеридава (CIL, III, 14477: *termini positi inter villam Bessi Ampudi et vicinos Buteridavenses*). Однако, говоря о распространении частного владения землей среди фракийского населения в Мёзии, нельзя не отметить того обстоятельства, что надписи, свидетельствующие об этом, происходят из восточных областей, точнее из Малой Скифии. Между тем не восточные, а западные районы Мёзии раньше были втянуты в сферу римского влияния, интенсивнее колонизировались римлянами; на западе издавна стояли римские легионы, возникали крупные лагерные города. Естественнее искать причины появления частной собственности на землю среди фракийцев восточных областей Нижнего Дуная не в римском влиянии, а во всем предыдущем ходе истории этой части страны. Эти территории еще в IV в. до н. э. входили в состав скифского государства Атея, здесь позже, в III—II вв. до н. э., существовало государство скифских (возможно, гето-скифских) царей Канита, Скостока, Сарин, Акросы; именно из этих областей болгарские археологи добывают инвентарь и вооружение, свидетельствующие о большом богатстве фракийской знати и о расхождении общества уже в классическое и эллинистическое время; о племенных вождях этих областей Дион Кассий сообщает, что накануне римского завоевания они обладали огромными богатствами. Нам представляется, что развитие частного землевладения на востоке Нижней Мёзии, проникновение и укоренение его среди наиболее зажиточной части местного фракийского населения следует объяснять отнюдь не только римским завоеванием и римской колонизацией, но всем ходом исторического развития этой части страны.

Следует подчеркнуть также, что общинная собственность на землю сохранялась у северофракийских племен и во времена Римской империи. Упомянутая выше надпись о межевых столбах между землями фракийца Бесса Ампула и землями жителей деревни Бутеридава свидетельствует о наличии общинных земель у жителей этой деревни. Возможно, сохранение общинного землевладения в Нижней Мёзии в течение долгого времени следует объяснять отсутствием в Мёзии крупного рабовладельческого хозяйства. Надписи сообщают только о мелких рабовладельческих хозяйствах (5—10 рабов). Да и эти сообщения очень редки. Нерентабельность рабовладельческого хозяйства на Нижнем Дунае, очевидно, начала ощущаться уже во II в. н. э., ко времени которого относятся упоминания об отпуске рабов на волю не только лицами, не имеющими наследников, но и имеющими жену и детей.

Развитие городов Мёзии не зависело целиком и полностью от римской военной политики на Дунае, а имело свои внутренние стимулы и причины развития. Действительно, сапавас возникли в Мёзии около Дуростора и Трезмиса (CIL, III, 7474, 6166, 6167, 6162). Но, как известно, еще в начале I в. н. э. Овидий называет Трезмис гетским поселением (ex Ponto, IV, 9, 79); что же касается Дуростора, то наиболее крупный знаток фракийской ономастики — В. Томашек¹ считает это название фракийским. Лагерные стоянки только ускорили рост тех местных поселений, около которых они располагались, притягивая к себе множество торговцев, ремесленников, конкубин. Местное поселение становилось центром, вокруг которого селились все эти люди, связанные так или иначе с лагерем. Население пополняли ветераны, которые после отставки оставались в тех местах, где они служили. Таким образом из канавы Дуростор ко времени правления М. Аврелия возник муниципий Аврелия². Муниципием же становится и Трезмис³. Третье фракийское поселение — Эск, долгое время служившее стоянкой римских легионов, после присоединения Дакии к Римской империи потеряло свое

¹ «Die alten Thraker», SBWAW, P.-h. Kl., 128, ч. II, 2, стр. 73.

² V. P â r v a n, Municipium Aurelium Durostorum, «Riv. di filolog.», II (1924), стр. 318.

³ CIL, III, 6170, 7504, 7508, 7560, 7599.

стратегическое значение и с уходом легиона в Дуростор получило право колонии¹. Следует особо подчеркнуть, что не только поселения, возникшие вокруг военных центров, разрастались и получали от римских властей признание городских общин. Так, поселение, возникшее в Добрудже после победы Траяна над даками — *Troaenm Trajanı*, получает муниципальное право (АЕМ, XIX, Тоѝлеску, № 23), хотя у нас нет никаких данных о том, что это поселение когда-либо было военным центром. То же можно сказать и о Ромула (Добруджа), которая была во времена М. Аврелия и Вера *municipia* (CIL, III, 753), а в середине III в. — *colonia* (АЕМ, XI, Тоѝлеску, № 1). С другой стороны, не все крупные стоянки легионов получали городское право; нет никаких известий о том, чтобы такой крупный военный центр, как Нови, имел право колонии или муниципия, хотя имеется множество надписей из этого места, относящихся к интересующей нас эпохе. Характерно, что и на Верхнем Дунае два лагеря — *Castra Regina* и *Lauriacum*, судя по их чисто римским названиям основанные римлянами вне связи с местными поселениями, тоже не получили городского права или, по меньшей мере, об этом отсутствуют свидетельства, так же как о *castra* в Британии. Таким образом, не военные лагеря определяли место возникновения нижнедунайских городов, а те из фракийских поселений, которые возникли еще задолго до прихода римлян в выгодных стратегически и в торговом отношении местах.

Римляне принесли на Нижний Дунай новые религиозные представления и новые формы быта. Определенная часть фракийского общества, главным образом ветераны римских войск и фракийская знать, была затронута этими культурными влияниями. Высшие этот процесс выразили в том, что фракийцы называют своих детей римскими именами²; фигура фракийского всадника на фракийских надгробиях в некоторых случаях облечена в костюм римского воина и т. д. Следует предположить, однако, что это явление не имело глубоких корней, и уже во второй половине II в. н. э. появляются надписи, свидетельствующие об обратном процессе: родители носят римские имена, но детей своих называют чисто фракийскими именами. Так, например, один солдат, по имени *Valerius Marcus*, и его жена *Aurelia* из Дуростора называют своих детей фракийскими именами: *Decibalus*, *Seisipergis*, *Mamutzis*, *Matida* (CIL, III, 7477). Некий *Caius Julius Attius* ставит надпись в честь своей дочери, носящей фракийское имя *Zia*³. Таких примеров можно привести множество. Следует отметить также, что солдаты, вышедшие в отставку в I и до середины II в. н. э., принимали чисто римские имена и их неримское происхождение можно определить лишь по *cognomen* императора, во время правления которого они выходили в отставку и получали римское гражданство (CIL, III, 7449). Ветераны, вышедшие в отставку в конце II в., сохраняли фракийский *cognomen* (Мусса, *Suria* и др.)⁴. Ряд надписей II в. говорит о солдатах легионов, носящих чисто фракийские имена⁵.

Следует отметить также, что городское и сельское население Нижнего Дуная далеко не одинаково воспринимало римскую культуру. Как явствует из упоминавшейся надписи об отпуске из армии солдат VII Клавдиева легиона, набор шел главным образом в городских центрах Мёзии (Ромула, Скупи, Ратвария); сельские местности, очевидно, были затронуты им в значительно меньшей степени⁶. Об этом же говорят надписи преторианцев из Рима. Как передает нам античная традиция, Септимий Север в 193 г. разогнал италийскую преторианскую гвардию и начал набирать преторианцев главным

¹ CIL, III, 753, 7429; ИБАИ, V (1928/29), стр. 370.

² В надписях, свидетельствующих об этом явлении, отец и мать носят фракийские имена, а их дети — римские.

³ Д. Димитров, Надгробные плиты от римского времени в Северна България, София, 1942, № 77.

⁴ Абр., 1901, № 13.

⁵ CIL, III, 6189; ИБАИ, VI, стр. 303; ИБАД, II, стр. 182; АЕМ, *Scorpi*, № 36.

⁶ См. Е. М. Штаерман, Этнический и социальный состав римского войска на Дунае, ВДИ, 1946, № 3.

образом из придунайских областей. Надписи преторианцев, найденные в Риме, подтверждают эти известия: со времени С. Севера преторианцы происходят главным образом из Паннонии, Норика, Дакии. Жители Мёзии в этом роде войск, где естественнее всего искать людей до определенной степени романизованных, представлены чрезвычайно слабо. Кроме того, преторианцы — уроженцы Мёзии — происходят, как правило, не из сельских местностей, а из крупных лагерных центров: Виминация, Дуростора, Эска, Ратиарии¹. Возможно, указанные выше обстоятельства свидетельствуют о том, что римская культура и влияние не проникали дальше крупных городов, сельские же местности были затронуты ею значительно меньше.

Наделение провинциалов правами римского гражданства имело своей целью создать в провинциях определенный социальный слой, который должен был быть опорой римлян². На Дунае в областях пограничных и особенно уязвимых потребность в жителях проримской ориентации была особенно сильна. Римские власти широко наделяли жителей Верхней и Нижней Мёзии правами римского гражданства: множество надписей из дунайских областей говорит нам о *cives Romani* из числа местных жителей. Однако в исследуемых областях надделение правами римского гражданства не стерло грани между фракийцами по происхождению, с одной стороны, и римлянами по происхождению — с другой. На основании надписей конца II и III вв. можно различить на Дунае три категории римских граждан: ветеранов, коренных римских граждан невоенного происхождения, граждан из числа местных жителей-фракийцев (бессы, лаи). Множество надписей из найденных в Добрудже начинается словами: *veterani, cives Romani et bessi* (или *lai*)³. Это разграничение между различными группировками жителей Мёзии еще яснее прослеживается в последующем тексте тех же надписей, в которых на посту квестора села чередуются в четкой последовательности то римлянин по происхождению, то фракиец, а из двух магистратов один обязательно является римлянином по происхождению, другой — фракийцем. Очевидно, в конце II и в III вв. в Мёзии не произошло полного слияния фракийцев и римлян; несмотря на надделение фракийцев правами римского гражданства, они продолжали составлять отдельную и самостоятельную часть населения провинции. Возможно, надделение правами римского гражданства на Дунае во II в. н. э. не отражало существенных изменений в формах жизни местного населения.

Нам уже приходилось отмечать, что римские колонисты Нижнего Дуная принесли с собой культы римских божеств. Многочисленные посвятельные надписи, найденные на территории современной Болгарии и поставленные в I—II в. н. э., свидетельствуют о наличии здесь римских официальных культов (капитолийская триада во главе с *Iupiter Optimus Maximus*, культы императора и *Dea Roma*), культов, связанных с римской воинской славой и удачей (*dii militares*, *Mars Ultor*), и многочисленных культов других божеств римского и греко-римского пантеона. Прекрасная работа болгарского исследователя Янко Тодорова, посвященная истории религиозных культов в Нижней Мёзии⁴, в которой собраны и комментированы посвятельные и надгробные надписи этой области, дает нам возможность без особого труда проследить, кто были лица, делающие посвящения римским божествам. Юпитеру Лучшему, Величайшему, Юноне и Милерпе, официальный государственный характер культа которых очевиден благодаря формуле *pro salute imperatoris*, поклоняются римляне, военные и гражданские лица,

¹ Исключение составляет надпись (CIL, VI, 2736), упоминающая преторианца *civis Meletinus*, *vico Pererpo*, но она, безусловно, должна быть отнесена ко времени поздней империи, ибо в ней упоминаются ланциарии.

² Н. А. М а ш к и н, Из истории римского гражданства, ИАН ОИФ, 1945, II, № 5, стр. 371—372.

³ Большинство из них найдено В. Пырваном и опубликовано в «*Analele Academiei Române*», *Memoriile Sect. istorice*, ser. II, XXXVIII и ser. III, II, а также в журнале «*Dacia*» за 1925 г.

⁴ Я. Т о д о р о в, Поганизмът в Долна Мизия, София, 1928, стр. 281.

запимающие административные посты. Среди них — правители провинции, многочисленные магистраты городов и сел, ветераны, солдаты и офицеры римских легионов. Все это лица с именами, выдающими их римское, греческое или восточное происхождение. Мы тщетно искали бы в этих надписях фракийские или романизованные фракийские имена. Несколько коллективных надписей в честь Юпитера, поставленные сельскими жителями (*vicani*), не меняют положения, ибо посвящение обязательно делается через посредство должностных лиц (*per magistros*) и по случаю особых торжественных событий. Это дает нам основание полагать, что официальные римские культы, символизирующие могущество Римского государства, не были распространены среди местного фракийского населения.

Подавляющее большинство надписей, в которых в качестве посвящающих лиц фигурируют фракийцы, поставлено в честь фракийского божества *Heros*, *Ἡρώς*, *Θεός Ἡρώς*¹. Большинство из них — частные лица. В редких случаях мы встречаем упоминание о том, что дедикант — солдат или жрец.

Было бы, однако, ошибочным утверждать, что греческие, а позднее римские религиозные представления не оказали влияния на верования фракийцев. Можно встретить посвящения в честь Аполлона, Артемиды-Дианы, Асклепия и Сильвана, сделанные фракийцами. Однако, сохранив свое римское или греческое имя, божества-пришельцы иногда становились неузнаваемыми: фракийцы придавали их культу совсем иное, фракийское содержание. Наибольшей популярностью по сравнению с другими греко-римскими культами у фракийцев пользовался культ Асклепия, который заменил культ фракийского бога-лечителя Телесфора. Фракийцы, восприняв греческое имя бога, придают его культу фракийское содержание: об этом свидетельствует и то, что они изображают его в виде фракийского всадника, и то, что они придают ему фракийское прозвище *Ἀσκληπιὸς Σαλδηνός*, *Ἀσκληπιὸς Ζαλδοῦστηνός*². Чисто фракийскую окраску приобретает и культ Аполлона, который следует поставить на второе место по количеству надписей, посвященных ему фракийцами; во многих случаях он также изображается в виде фракийского всадника и получает фракийское прозвище *Ἀὐλαρχός*, *Ἀὐλαρχηνός*. Весьма возможно, как на это указал Тодоров, имя фракийского бога, педвечного Аполлону, было Ауларихо или Ауларкен. Распространение культа Дианы и Диолиса среди фракийцев Мёзии в римское время следует также объяснить наличием у фракийцев культа охоты и вина задолго до римского завоевания (Her., IV, 33, и V, 7). Широкое распространение италийского праздника розалий, связанного с культом мертвых, может быть, следует до некоторой степени объяснять верой фракийцев в загробный мир, связью италийских розалий с местным фракийским культом³.

Нам представляется, что изложенное выше дает основания считать, что среди фракийского населения в первые два века нашей эры наибольшей популярностью пользовались фракийские божества. Божества греко-римского пантеона на фракийской почве приобретают черты, свойственные местным фракийским культам; наиболее широкое распространение и наиболее продолжительное существование имели те из них, для восприятия которых была подготовлена почва длительным ходом развития фракийских религиозных представлений.

Окончательное решение проблем, затронутых в настоящей статье, возможно лишь при изучении археологического материала. Несмотря на широкий размах археологических работ в Болгарии в настоящее время, болгарским археологам еще не посчастли-

¹ Культ Героя, фракийского всадника, был связан у древних фракийцев с верой в загробный мир. Изображение змеи, в образе которой фракийцы представляли себе душу умершего (ИБАИ, V, стр. 13), непременно фигурирует на рельефах в честь бога-всадника. В римское время отчетливо выступает и другая сторона культа Героя — как бога-охотника.

² «Археологически известия на народния музей в София», кн. I, стр. 33, № 1, фиг. 7 и стр. 37, № 3, фиг. 9.

³ Тодоров, ук. соч., стр. 60.

вилось, насколько нам известно, пайти фракийское поселение римского времени и на территории Мёзии¹.

Затронутые в статье вопросы отнюдь не исчерпывают всех проблем, связанных с историей нижнедунайских племен. Чрезвычайно интересен, например, вопрос о классовом характере романизации, затронутый недавно Н. А. Машкиным², вопрос об обратном влиянии дунайских провинций на Рим и ряд других. Все эти проблемы ждут своего разрешения в первую очередь в работах советских, болгарских и румынских историков.

Т. Златковская

К УСТАНОВЛЕНИЮ ХУРРИТСКОГО ТЕРМИНА ŠARR- || ZARR- В ЗНАЧЕНИИ «СЛУГА, РАБ» ПО ДАННЫМ АРМЯНСКОГО И ГРУЗИНСКОГО ЯЗЫКОВ

В хурритских текстах из Богазкея и именах из Нузи (совр. Иорган-Тепе близ Керкука в Ираке) встречается много слов, нарицательных и собственных, имеющих в своем составе корень *šar*g-||*šar*- или иногда *zar*(r)-. Это слово употребляется и самостоятельно. Так как по внешнему виду оно звучит одинаково с аккадским *šar*g-и — «царь», то отсюда легко заключили, что хурритское слово — того же значения и заимствовано из семитического³. Правда, были и сторонники хурритского происхождения этого слова, как, например, Вейднер, Густавс, П. Пурвес и др., но и они не уточняли его значения проверкой на всех примерах. В сравнительно недавно открытом (в 1931 г.) шумеро-хурритском словаре из древнего Угарита (совр. Рас-Шамра в Северной Сирии) в качестве соответствия шумерскому *nam-gar-ga* приведено хурритское *šar-gi* (кол. III, 34); в других случаях это шумерское слово заменяется обыкновенно *nam-gi* или *nam-ga*, что является синонимом аккадского *šallatum* — «уводимое из покоренных городов население». Другие же переводят шумерское *nam-ga* через «пленный, раб, колон»⁴.

В богазкейских текстах для нашего *šar*g||*šar* (KUB XXV и XXVII) имеются следующие образования: *šar*gi, *šar*rena (мн. ч.), *šar*ribi, *šar*ribina, *šar*rinibi, *šar*ga, *šar*gaš, *šar*gašti, *šar*gašihinibi, *šar*gaššihinibiniš, *šar*gaššibinašuš, *šar*gašihinibinašuš и т. д. и одно собственное мужское имя *Šarkašar*gi (в одном старохурритском тексте)⁵.

В нузийских же таблицах на аккадском языке даются только собственные имена, как *Šartešur*, *Šartilla*, *Šarmuli* (*Šarramuli*), *Šarmušti*..., или с обратной расстановкой — *Tešuršar*, *Tillašar*, *Pašar*, *Akipšar*, *Enšaru*, *Ewirišar*gi и пр. и пр.

Мне думается, что перевод встречающегося во всех этих собственных и нарицательных словах элемента *šar*gi или *šar* через «слуга, раб» вполне подходит. Например, *Šartešur* «раб бога Тешупа», *Šartilla* «раб бога Тилла», *Tešuršar* «Тешупа раб», *Tillašar* «Тиллы раб» и т. п. Точно так же *Enšaru* «бога раб», *Ewirišar* «господина (царя) раб», *Pašar* «фавна раб» (ср. арм. *paġ* «пан, фавн»), *Dur-šar* (ср. урарт. *Sar-*

¹ Недавно опубликованные Лидией Ботушаровой материалы раскопок фракийского святилища при с. Дюлево («Годишник на Археологически музей Пловдив», кн. I, 1948, стр. 49—56) относятся ко времени поздней империи и потому не могут быть использованы в настоящей статье.

² Н. А. М а ш к и н, История Римской империи, М., 1949, стр. 4.

³ См. «Nuzi personal names», Chicago, 1943, стр. 251 (лист. П. Пурвеса).

⁴ См. A G ö t z e, Die Annalen des Mušiliš, Lpz., 1933, стр. 228.

⁵ См. J. F r i e d r i c h, Kleinasiatiscbe Sprachdenkmäler, Berlin, 1932, стр. 35.